

СЕГООДНЯ

№ 83.

ВЫХОДИТЬ УТРОМЪ И ВЕЧЕРОМЪ.

9-й г. изд.

Вторникъ.

12 апрѣля 1927 года.

Цѣна номера въ Латвіи 12 сант. 6 р.
въ Литвѣ за оба изд. 60 цент., въ Польшѣ за
оба изд. 50 грш., за утр. 30 грш., за воскр.
35 грш. Подп. пл. на „Сегодня“ въ мѣ-
сяць (за 7 ном. въ нед.) въ Латвіи 3 Л. 50 с.
175 р. Загр. 5 Л. 20 с. (260 р или 1 амер долл.)
Подп. пл. на „Сегодня“ и „Сегодня
Вечеромъ“ (13 ном. въ нед.): въ Латвіи 5 Л.
75 с., за границей 8 Л. 50 с. или 1,70 амер долл.

«Ревизоръ» на французской сценѣ.

(Письмо изъ Парижа).

«Ревизору» понадобилось почти сто лѣтъ, чтобы сдѣлать путь до французской сцены. Правда, комедію Гоголя ставили какъ-то на закрытыхъ спектакляхъ въ Парижѣ, и всего два раза, но широкой публикѣ она показана была только теперь въ «Комедии Елисейскихъ Полей». Театръ рискнулъ на трудное предпріятіе и остался побѣдителемъ. Онъ далъ намъ «Ревизора», конечно, офранцузеннаго и модернизированнаго, но все же «Ревизора», котораго даже и русский зритель смотритъ въ нарядѣ чужого языка и чужого толкованія съ большимъ интересомъ и чувствомъ «народной гордости». Великая комедія захватываетъ и актеровъ и французскую публику и на первомъ представленіи она имѣла большой и настоящій успѣхъ.

Нетерпѣливо и съ волненіемъ ждешь перваго занавѣса. Декорація отходитъ отъ обычной постановки, но это удачное новшество. Дѣйствіе идетъ не въ гостинной, а въ канцеляріи городничаго. Ярко-желтыя стѣны, географическая карта, какой-то «указъ» на стѣнѣ, большой столъ съ бумагами, створчатое окно со ставнями, у окна скамья, стулья, низкій столикъ и вокругъ него сидятъ судья, смотритель училищъ, Земляника, Гибнеръ. На столикѣ графинчикъ съ водкой, который будетъ появляться и въ слѣдующихъ дѣйствіяхъ. Это одна изъ немногихъ «клюквъ» постановки, данъ представленію о водкѣ, какъ о непремѣнной части «русской души» и русскаго времяпрепровожденія. У чиновниковъ характерныя гримы, одѣты они въ штатское, но моды тридцатыхъ годовъ, немного щеголеватой и пестрой для глухой провинціи. Но эти цвѣтныя брюки, жилеты сюртуки даютъ на охраномъ фонѣ стѣны яркія пятна, гармонирующія со всѣмъ тономъ, яркимъ, быстрымъ, каррикатурнымъ и фарсовымъ, въ какомъ задумана постановка. Сцена — и это сохраняется въ теченіе всего спектакля — немного напоминаетъ по краскамъ и линиямъ лубочныя картинки, и такое оригинальное и острое зрѣлищное впечатлѣніе является одной изъ приманокъ спектакля.

Входитъ городничій — въ мундирѣ съ красными отворотами, большой, съ грубымъ апоплексическимъ лицомъ. Гримъ и фигура очень вѣрны, но, къ сожалѣнію, талантливый актеръ Жимъ Жеральдъ, въ общемъ овладѣвшій труднѣйшей ролью, сразу слишкомъ поднимаетъ тонъ и кричитъ, не переставая, почти одинаково и на чиновниковъ и на Свистунова.

Вы напряженно ловите слова, ждете

«Александра Македонскаго», «Подать сюда Ляпкина-Тяпкина...» и другихъ съ дѣтства знакомыхъ и неизмѣнно восхитяющ. фразъ. Онъ есть все, конечно, потерявшія свой оригинальный, непереводаемый ароматъ, но все же блестящія. И французская публика схватываетъ и встрѣчаетъ смѣхомъ потускнѣвшіе отъ перевода перлы гоголевскаго юмора. Чтеніе письма, сообщеніе о встрѣчѣ ревизора, потомъ Бобчинскій и Добчинскій. Они хороши по внѣшности, съ чуть-чуть клоунскимъ выраженіемъ лицъ,

Луи Жува,
въ роли Хлестакова.

но Бобчинскій ведетъ свой рассказъ слишкомъ быстро и невнятно. Уходя городничаго. Уходя онъ ударяетъ ногой въ задъ Свистунова — жестъ, который тоже, какъ и водка, сочтенъ специфически русскимъ. Его повторяютъ нѣсколько разъ. Потомъ городничиха и дочка — живыя, немного мольеровскія фигуры. Занавѣсъ опускается подъ громкіе аплодисменты.

Второй актъ. Номеръ гостиницы — очень низкій, подъ крышей, даже съ приставной лѣстницей на чердакъ. Осипъ пропалъ совершенно. Актеръ сдѣлалъ изъ него что-то вродѣ безцвѣтнаго метръ д'отеля. Знамени-

тый монологъ сильно сокращенъ и это хорошо. Вотъ, наконецъ, Хлестаковъ. Его играетъ директоръ театра, самый талантливыи изъ характерныхъ французскихъ актеровъ Луи Жува. Стройный, тонкій, нарядный, онъ, конечно, по внѣшности и особенно лицомъ «французикъ изъ Бордо», а не петербургскій щеголь николаевского времени. Въ исполненіи Жува есть одинъ большой недостатокъ. Онъ говоритъ слишкомъ быстро и временами въ потокахъ перелетающихъ другъ друга словъ нельзя понять смысла. На это жалуется публика, отмѣчаетъ и критика, и, вѣроятно, актеръ улучшить свою дикцію. Но Жува даетъ настоящаго Хлестакова, пустѣйшаго, легкомысленнаго, который не блѣднѣетъ даже передъ хорошими русскими исполнителями. Отлично ведется второй актъ, потомъ сцена приѣма чиновниковъ, сцены съ городничихой и дочкой.

Я не буду слѣдить за всѣмъ ходомъ спектакля. Онъ идетъ не понижаясь въ темпѣ и интересъ публики не ослабѣваетъ. Лишь финалъ завершаетъ веселую комедію сценической, напоминая, какую-то галлюцинацію. Среди общаго шума взволнованныхъ разоблаченіемъ самозванца гостей городничій произноситъ свой заключительный монологъ. Тухнуть и вспыхиваютъ старинныя лампы на стѣнахъ и вмѣстѣ съ ними вспыхиваютъ красными цвѣтомъ яркіе цвѣты на фонѣ зеленыхъ обоевъ. И когда появляется жандармъ — черезчуръ блестящій и нарядный, словно наполеоновскій гвардеецъ, и произноситъ роковое приглашеніе къ наступающему ревизору, городничій грузно падаетъ безъ чувствъ на руки жены и гостей. Это эффектно и красочно, но спектакль выигралъ бы въ единствѣ, если бы его кончили проще и по Гоголю, безъ «красныхъ круговъ» смысла которыхъ публика не понимаетъ.

Переводъ сдѣланъ вполне «корректно» съ небольшими сокращеніями Ольгой Шумянской и режиссеромъ брюссельскаго театра «Мара» Жюлемъ Лелякръ, который ставилъ «Ревизора» въ Брюсселѣ и участвовалъ въ постановкѣ и теперь. Декораціи и костюмы сдѣланы по рисункамъ О. Шумянской. Въ постановкѣ, повторяю, почти нѣтъ бытовыхъ промаховъ, если не считать излишества водки, да крошечнаго серебрянаго самовара съ трубой, который подаютъ въ пятомъ актѣ.

Критика встрѣтила спектакль съ рѣдкимъ единодушнымъ одобреніемъ.

Р. СЛОВЦОВЪ.